

БЕРГЕР ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН и Российского музея медицины

lenaberger67@gmail.com

<https://igh.ru/employees/56?locale=ru>

Рецензия на: *Мюшембле Р. Цивилизация запахов. XVI – начало XIX века / пер. с фр. О. Панайотти. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 312 с.*

ELENA BERGER

Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Russian Medical Museum

lenaberger67@gmail.com

<https://igh.ru/employees/56?locale=en>

Review on: *Muchembled R. A Cultural History of Odours in Early Modern Times / transl. by O. Panaiotti. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 312 p.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бергер Е.Е. Рецензия на: Мюшембле Р. Цивилизация запахов. XVI – начало XIX века / пер. с фр. О. Панайотти. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 312 с. [Электронный ресурс] // *Vox medii aevi*. 2021. Vol. 1(8). С. 132–139. URL: <http://voxmediiavei.com/2021-1-berger>

DOI

10.24412/2587-6619-2021-1-132-139

FOR CITATION

Berger E.E. Review on: Muchembled R. A Cultural History of Odours in Early Modern Times / transl. by O. Panaiotti. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 312 p. [Digital Resource] [*Berger E. Review on: Muchembled R. A Cultural History of Odours in Early Modern Times / transl. by O. Panaiotti. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 312 p.*] // *Vox medii aevi*. 2021. Vol. 1(8). P. 132–139. URL: <http://voxmediiavei.com/2021-1-berger>

DOI

10.24412/2587-6619-2021-1-132-139

Рецензия на: *Мюшембле Р. Цивилизация запахов. XVI — начало XIX века / пер. с фр. О. Панайотти. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 312 с.*

В последние десятилетия в исторической науке появились темы весьма экзотические для традиционного исследования, например, «История боли»¹, «История цвета»² и даже провокационная «История дерьма»³, которая впервые проблематизировала роль грязи и запахов в европейской культуре. Такие повороты сюжета, несомненно, связаны в первую очередь с трудами антропологов, социологов, историков медицины и других представителей смежных дисциплин, и их работы ставят перед нами странный вопрос: насколько человек меняется антропологически?

Археологи давно доказали, что рост и телосложение *Homo sapiens* ощутимо менялись на протяжении столетий⁴. Но можно ли считать, что меняются и ощущения, например, что человек становится более (или менее) восприимчив к болевому порогу, тактильным контактам, вкусам, звукам?

Еще в 1961 г. Р. Мандру, характеризуя цивилизацию XVI в., утверждал: «Мысль в XVI в. жила, погруженная в более богатую атмосферу, чем наша: запах и вкус, приносящие самые яркие из всех чувств, тогда были более развиты»⁵. Действительно, является ли способность человека воспринимать мир через ощущения некой биологической константой или нет?

Задолго до появления главного жупела 2020 года — потери обоняния — историки заинтересовались историей запахов. На эту тему существует много исследований, зарубежных⁶, а в последнее время и отечественных⁷, в основе которых лежит одна и та же идея — в раннее Новое время у европейцев резко обостряется обоняние, они становятся более чувствительны

1. Rey R. The History of Pain. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1993.

2. Pastoureaux M. Bleu. Histoire d'une couleur. Paris: Le Seuil, 2000; *Id. Noir. Histoire d'une couleur.* Paris: Le Seuil, 2008; *Idem. Vert. Histoire d'une couleur.* Paris: Le Seuil, 2013. (*Пастуро М. Зеленый: история цвета.* М.: Новое литературное обозрение, 2018; *Он же. Черный: история цвета.* М.: Новое литературное обозрение, 2019; *Он же. Синий: история цвета.* М.: Новое литературное обозрение, 2020.)

3. Laporte D. Histoire de la merde. Paris: C. Bourgois, 1978.

4. Добровольская М.В. Человек и его пища. М.: Научный мир, 2005.

5. Мандру Р. Франция раннего Нового времени, 1500–1640: Эссе по исторической психологии / пер. с фр. А. Лазарева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010.

6. Corbin A. Le miasme et la jonquille: L'odorat et l'imaginaire social aux XVIIIe et XIXe siècles. Paris: Aubier Montaigne, 1982; *Sensible Flesh: On Touch in Early Modern Culture* / ed. E.D. Harvey. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2003.

7. Пироговская М.М. Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018; *Ароматы и запахи в культуре*, в 2 кн. / пер. С. Силаковой, А. Васильевой, Я. Токаревой и др.; сост. О.Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

к запахам, что приводит к так называемой «ольфактивной («обонятельной») революции». Культурный антрополог Д. Хозс назвал происходящее в раннее Новое время «сенсорной революцией»⁸.

Этому феномену посвящена монография Р. Мюшембле «Цивилизация запахов», впервые опубликованная во Франции в 2017 г.⁹ и переведенная на русский язык О. Панайотти для издательства «Новое литературное обозрение» в 2020 г. Каждая из семи глав книги посвящена определенным запахам, окружавшим европейцев в раннее Новое время: от зловония выгребных ям до парфюмерных ароматов. Монография очень информативна, так как автор работает на обширном материале, используя и врачебные трактаты, и хозяйственные записи парфюмеров, не забывая о литературных и изобразительных источниках.

Мюшембле считает, что интерес к изучению истории запахов вызвали недавние открытия в области медицины и физиологии, прежде всего — открытие рецепторов и механизмов обоняния. Но дело в том, что ощущение запахов не определяется чисто физиологическими факторами, более того, Р. Мюшембле уверенно заявляет, что ольфактивные предпочтения являются благоприобретенными и «обоняние — в высшей степени социальное чувство» (с. 24). Он утверждает, что отвращение, вызываемое запахом, не запрограммировано биологией, а возникает в результате многовекового культурного давления. По мнению Мюшембле, обоняние полностью определяется культурными явлениями, связанными с конкретными историческими процессами. Данный тезис представляется бесспорным: Р. Мюшембле явно недооценивает физиологические аспекты проблемы, которыми едва ли можно пренебречь. На это указывает хотя бы поведение животных, для которых запах может являться тревожным сигналом, маркером опасности или, напротив, знаком близости пищи.

Все же социальная сторона запахов в европейской истории весьма показательна. Возможно, что в XVII–XVIII вв. произошел демографический скачок, который и привел Европу в состояние повсеместного зловония. По крайней мере, она начала

8. Howes D. Charting the Sensorial Revolution // *The Senses and Society*. 2006. Vol. 1. №1. P. 113–128.

9. *Muchembled R. La Civilisation des odeurs (XVIe siècle – début XIXe siècle)*. Paris: Les Belles Lettres, 2017.

ощущать его. Это объяснялось не только отсутствием канализации в разрастающихся городах, но и тесным сосуществованием человека с животными, а также со спецификой ряда профессий (мясники, кожевники, торговцы рыбой), которые сопровождаются резкими и неприятными запахами. Хотя городские власти регулярно предпринимали попытки устранить источники зловония или, по крайней мере, ограничить распространение запахов, это не приносило результатов. Выгребные ямы, как и кладбища, оставались «зоной риска».

Ситуация осложнилась еще и тем, что в раннее Новое время Европа вступила в полосу «водобоязни». Вода стала пониматься как болезнетворный агент и «жилище» вредной материи. Более того, как полагает Р. Мюшембле, «в представлении большинства ученых и врачей грязь играла защитную роль» (с. 199). Такая гигиеническая катастрофа и вызвала постоянный смрад.

«Дурной запах» приписывался определенным категориям населения. «Обоняние несет в себе месседж разделения добра и зла» (с. 137), считает Р. Мюшембле. Прежде всего, бытовало мнение, что дурно пахнут иностранцы. Неприятный запах исходит и от больного, поскольку его телесные жидкости находятся в беспорядке. Мизогиния этого периода также находит ольфактивное выражение: женские запахи демонизировались. Дурной запах, якобы имманентно присущий женщинам, нейтрализовался с помощью курительных смесей, духов, надушенных париков, в то время как моралисты критиковали женщин за использование ароматов для удовлетворения своего тщеславия. Женщинам внушали чувство вины; именно на них возлагалась ответственность за разврат, сводничество, рождение внебрачных детей.

История запахов имеет и медицинский аспект. Вещества, обладающие сильным запахом, применялись в медицине в качестве лекарственных средств. Р. Мюшембле напоминает, что для составления некоторых медикаментов использовались экскременты и моча. При этом итальянский врач Б. Рамаццини (1633–1714), основоположник учения о профессиональных заболеваниях, указывал, что кал человека и животных выделяет «вредные испарения», в результате чего золотарям

грозит смерть от удушья; лечить их Рамаццини предлагал уксусом и табачным дымом, очищающими воздух (с. 48–51). Помимо уксуса и табака — классических медикаментов раннего Нового времени, — вспомним еще и нюхательные соли, использовавшиеся при обмороках. Р. Мюшембле уделяет особое внимание табаку, который использовался вначале как медикамент, а затем уже как вещество для курения, но в книге я не нашла упоминания о появившемся в XVI в. обычае нюхать табак — развлечении, совершенно, кажется, непонятном для наших современников: мода прошла.

Именно медицинский аспект Р. Мюшембле считает главным импульсом ольфактивной революции. «В XVI–XVII вв. в Европу пришла чума», — провозглашает автор (с. 147). Разумеется, сложно подозревать его в незнании общеизвестного факта, что чума пришла в Европу значительно раньше. Но, по видимому, в раннее Новое время механизм заражения рассматривался уже несколько иначе, с учетом накопленного ранее опыта. Еще Гален (II в. н. э.) утверждал, что чума приходит, когда нарушаются характеристики воздуха и вследствие этого появляются «ядовитые испарения». Авторы многочисленных трактатов о чуме активно рекомендуют бороться с дурным воздухом: сжигать мусор, чаще проветривать, избегать кладбищ и скотобоен, использовать ароматные травы. Борьба с чумой превратилась в настоящую «войну запахов». Описывая клиническую картину заболевания, многие врачи подчеркивали, что от зачумленных исходит ужасный смрад; «чумной воздух» проникает в человека через поры тела, и надо принимать меры по его очищению — не только огнем и водой, но и окуриванием. Терапевтические приемы начинают напоминать ольфактивные ритуалы. В начале XVII в. французский врач Шарль Делорм (1584–1678) придумал всем известный костюм «чумного доктора». Этот костюм частично был сделан из кожи козла, с расчетом на то, что зловоние, исходящее от этой кожи, прогонит заразу.

По мнению врачей, от эпидемии необходимо было защищаться «душистым пузырем», т. е. постоянно находиться в облаке благоприятных ароматов. Тогда же в моду входят перчат-

ки, которые служили заслоном для любых непосредственных кожных контактов, особенно если их пропитать ароматическими веществами. Странное для нас цеховое объединение двух, казалось бы, разных ремесел — парфюмеров и перчаточников — объяснялось тем, что и те и другие работали над защитой от опасных контактов с внешним миром. То, что начиналось как борьба с чумой, впоследствии превратилось в действия по оздоровлению атмосферы. Это стало тем более важным, что рост населения на рубеже XVII–XVIII вв. привел к санитарно-гигиеническим проблемам, и гедонистическая культура тела, свойственная Франции этого периода, не могла противостоять грязи и зловонию, которые всегда сопровождают большие скопления людей. Санитарное состояние городов вызывало резкую критику гигиенистов. Далее Р. Мюшембле приводит информацию, идущую вразрез с общепринятой точкой зрения, что раннее Новое время характеризуется резким падением уровня гигиены из-за усилившейся «водобоязни»¹⁰. С середины XVII в., утверждает Мюшембле, о теле заботятся с помощью воды и мыла. В доказательство этого тезиса автор приводит многочисленные рецепты мыла из трактатов парфюмеров, а также списки товаров из парфюмерных лавок, где мыло разных сортов постоянно присутствовало. Постепенно уходила мода на сильные ароматы животного происхождения, взамен возникали цветочные и фруктовые. Определяется разрыв между нежными ароматами «для удовольствия» и сильными запахами «для профилактики». В результате в XVIII в. появляется новый «ольфактивный код» (с. 250), отделяющий высшее общество от простого народа: аристократы пользуются духами, простолюдины распространяют зловоние.

«Запахи всегда социальны» (с. 263), повторяет в заключение Р. Мюшембле. Разрабатывать эту мысль на примере Франции XVII–XVIII вв. весьма удобно, ибо источниковая база очень широка. Здесь следовало бы, однако, быть осторожнее: велико искушение экстраполировать французский вариант на всю Европу, что автор часто и делает. Примеры, подтверждающие его тезисы, взяты почти полностью из истории

10. См., например: История тела. В 3-х томах. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Франции (название книги в этом смысле обманчиво), и напрашивается вопрос: происходила ли ольфактивная революция в других регионах. Более того, если принять положение, что в XVII–XVIII вв. в Европе обострилось восприятие запахов, следует предположить, что в предыдущий исторический период люди уделяли меньше внимания запахам, не так тонко их чувствовали. Такое предположение сразу вызывает скептицизм. Мы знаем, как чувствительны к запахам представители традиционных культур¹¹. В Индии и Китае история парфюмерии существенно древнее, чем в Европе, ароматы имели не только религиозную функцию, но и по сей день составляют неотъемлемый компонент врачевания¹². Мы неоднократно читаем описание запахов и в античной литературе¹³. А уж классическая римская пословица «Деньги не пахнут» знакома, кажется, с детства всем.

Если предположить, что ольфактивная революция в раннее Новое время все же произошла, следует задаться вопросами о ее механизме и причинах. Я подчеркиваю — «если», потому что мне представляется весьма возможным, что эта революция произошла не столько в Европе, сколько в головах историков. Очевидно, однако, что в этот период о запахах стали гораздо больше писать, что, следовательно, открывает гораздо больше возможностей для их исследования.

Но несомненно и то, что в раннее Новое время что-то существенно изменилось в восприятии запахов. Мне представляется, что здесь можно предположить действие еще двух факторов, кроме рассмотренных Р. Мюшембле:

1. Благодаря Великим географическим открытиям в Европе «сменилась атмосфера» в связи с появлением многих новых запахов. Привезенные с других континентов новые растения, животные и минералы, невиданные ранее, имели свои необычные запахи, которые вплетались в общую палитру ароматов. Поэтому непривычные запахи связаны не только с контактами (иноземец пахнет иначе), но и с появлением новых веществ со своими ольфактивными свойствами. В первую очередь это пряности, но далеко не только они. И формирова-

11. Боас Ф. Ум первобытного человека. М.-Л.: Государственное издательство, 1926.

12. Пак Сон Гу. Запахи в различных языках и культурах. Попытка сопоставительного анализа (на материале корейских, японских и русских фразеологизмов) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 37 / под ред. В.В. Красного, А.И. Изотова, В.Г. Кульпиной. М.: МАКС Пресс, 2009.

13. См., например: Smell and the Ancient Senses / ed. M. Bradley. London; New York: Routledge, 2015.

ние новых пищевых привычек, разумеется, идет рука об руку с новыми запахами.

2. Научная революция учила вниманию к чувственным ощущениям и доверию к ним. Классическая механика требовала выразить полученные результаты в числовых единицах. Как раз измерение запахов в раннее Новое время оставалось нерешенной задачей, но современная ольфактометрия способна измерить остроту обоняния и оценить индивидуальный порог восприятия человека к различным веществам. Однако такой важнейший показатель, как интенсивность запаха, в работе Р. Мюшембле практически не находит отражения.

В любом случае, перед нами интересная работа, хорошо написанная и достойно переведенная на русский язык, заслуживающая внимания исследователей. Монография Р. Мюшембле — еще одно доказательство тому, насколько биологизируется и медиализируется историческая наука последних десятилетий. Она никогда не будет прежней, не будет впредь ограничиваться изучением текстов, хартий и грамот. Историкам придется учитывать цвета, запахи и звуки эпохи, и это, конечно же, придаст ей дополнительный объем, а исследованиям — дополнительную остроту. Достаточно вспомнить

наблюдение Дж. К. Джерома, как неузнаваемо
меняется реальность
от запаха сыра...

